

俄罗斯苏联 文学名著选读

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО РУССКОЙ
И СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

下 册
(苏联部分)

俄罗斯苏联文学名著选读

下 册

(苏联部分)

ХРЕСТОМАТИЯ ПО РУССКОЙ И
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

商 务 印 书 馆

1985 年 · 北京

编选者：余绍裔 徐稚芳

周敏显 傅佩娟 金亚娜

ÉLUÓST SŪLIÁN WÉN XUÉ MÍNGZHŪ XUǎNDŪ

俄罗斯苏联文学名著选读

下 册

(苏联部分)

商 务 印 书 馆 出 版

(北京王府井大街 36 号)

新华书店北京发行所发行

北京第二新华印刷厂印刷

统一书号：9017·1315

1984 年 4 月第 1 版

开本 850×1168 1/32

1986 年 4 月北京第 2 次印刷

字数 391 千

印数 6,800 册

印张 13¹/₄

60克纸本 定价：2.45 元

编 者 的 话

《俄罗斯苏联文学名著选读》是根据教育部高校外语教材编审委员会的计划编选、供俄语专业高年级使用的教材。选材时根据思想性和艺术性统一的原则,力求全面反映俄苏文学发展过程,注意到不同时代、不同流派、各种文学体裁、题材和不同艺术风格的作品。全书共选入二十九位作家的作品,分俄罗斯文学部分和苏联文学部分两册。每一位作家组成一专章,内容包括作家介绍、文选以及词汇注释。俄罗斯文学部分后面附有部分文学术语汇编。

本书由南京大学余绍裔、北京大学徐稚芳、上海外国语学院周敏显和黑龙江大学傅佩娟、金亚娜负责编选,全稿由徐稚芳负责整理。在编审过程中得到了岳凤麟、桑枫、刘宗次、陆桂荣、朱逸森、赵德泉、曹缦西、余一中和商务印书馆龙新叔同志的热情帮助,特此表示感谢。

由于我们缺乏经验,书中一定会有不少缺点和错误,恳切希望读者批评指正。

1982.9.

目 录

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. М. ГОРЬКИЙ</i>	1
Старуха Изергиль	4
Песня о Соколе	8
Песня о Буревестнике	11
Мать	13
<i>В. В. МАЯКОВСКИЙ</i>	68
Прозаседавшиеся	70
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка	73
Владимир Ильич Ленин	77
<i>А. А. БЛОК</i>	98
Двенадцать	99
<i>С. А. ЕСЕНИН</i>	113
Не жалею, не зову, не плачу	114
Письмо к матери	115
Русь советская	116
<i>Н. А. ОСТРОВСКИЙ</i>	120
Как закалялась сталь	122
<i>А. Н. ТОЛСТОЙ</i>	149
Хождение по мукам	150
<i>М. А. ШОЛОХОВ</i>	193
Поднятая целина	195
<i>Н. Ф. ПОГОДИН</i>	234
Кремлевские куранты	235
<i>А. А. ФАДЕЕВ</i>	268
Разгром	270
Молодая гвардия	279
<i>К. М. СИМОНОВ</i>	323

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины	323
Жди меня	325
<i>А. А. СУРКОВ</i>	327
Песня смелых	327
Человек склонился над водой	328
Бьется в тесной печурке огонь	329
<i>М. В. ИСАКОВСКИЙ</i>	330
Прощание	331
Катюша	332
Вишня	332
Где ж вы, где ж вы, очи карие?	333
Русской женщине	334
Летят перелетные птицы	336
<i>А. Т. ТВАРДОВСКИЙ</i>	338
Василий Теркин	340
<i>Л. М. ЛЕОНОВ</i>	371
Русский лес	372

А. М. ГОРЬКИЙ

(1868—1936)

Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

В. И. ЛЕНИН

Горький показал душу трудящегося человека. Раскрывая лучшие стороны людей, он воздействовал на них в том направлении, чтобы они становились лучше, чище, отважней, благородней. Он пробуждал в людях жажду творчества и преобразования жизни.

А. ФАДЕЕВ

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) родился в нижнем Новгороде в семье столяра. Рано потеряв отца, Горький подростком начал тяжелую жизнь «в людях». Работал грузчиком, пекарем. Занимался самообразованием. Участвовал в нелегальных народных кружках, вел пропаганду среди рабочих. После ареста в 1889 году находился под надзором полиции. В 1888 — 89 годах и 1891—92 годах странствовал по России.

В 1892 году Горький опубликовал свой первый рассказ «Макар Чудра». В очерках и фельетонах 90-х годов Горький бичевал «хозяев жизни», мещан, защищал интересы бедноты, рабочих.

Горький развивал лучшие традиции романтизма и реализма XIX века. В рассказах о народе («Коновалов» 1896, «Челкаш» 1894, «Супруги Орловы» 1897, и другие) Горький изображает ростки нового социально-политического сознания, мечты о справедливости и незрелость протеста, бунтарство одиночек. Легендарно-аллегорические романтические образы молодого Горького с их пафосом «безумства храбрых» зовут к революционному подвигу. Так в «Песне о Соколе»

(1899) Горький показывает трусливого и самодовольного Ужа, ползающего по земле (это мещанин-обыватель). Ему противопоставляется смелый Сокол, рвущийся ввысь, к свободе, к свету, и жаждущий вступить в бой с врагом. Сокол, олицетворяющий борца за свободу, гибнет, но Горький поет славу «безумству храбрых», отважившихся начать борьбу за свободу. В «Песне о Буревестнике» (1901), которая воспринималась в свое время читателями как революционное воззвание и прокламация, Горький предвещает революционную бурю и призывает: «Пусть сильнее грянет буря!» В рассказе «Старуха Изергиль» (1895) юноша Данко зажег вместо факела свое сердце, чтобы спасти людей и вывести их из тьмы старого леса.

Идейно-общественные искания привели Горького в конце 19—начале 20 веков к марксизму. Он солидаризируется с направлением ленинской «Искры», участвует в революционном движении.

В 1889—1900 годах выходят в свет повести Горького—«Фома Гордеев» и «Трое». Почти в это же время Горький сближается с Московским художественным театром, поставившим его пьесы «Мещане» (1902) и «На дне» (1902). В «Мещанах» русский рабочий впервые предстал как новый герой истории. В пьесе «На дне» Горький рисует страдания отверженных, сброшенных капитализмом на «дно» жизни людей, в монологе Сатина Горький воспекает величие чело-века, его творческий разум.

В 1905 году Горький принимает активное участие в революционных событиях. За прокламацию 9 января 1905 года с призывом свергнуть самодержавие был заключен в Петропавловскую крепость.

В годы революции Горький создает произведения социалистического реализма. В пьесе «Враги» (1906) он показал, как забастовочное движение пролетариата поднимается до политической борьбы, как растет в массах влияние большевиков. В романе «Мать» (1906) Горький впервые в литературе изобразил борьбу революционного пролетариата под руководством партии за социализм, нарисовал зарождение революционного союза рабочих и крестьян, создал бессмертные образы Павла Власова и его матери Ниловны, показал силу и красоту героев пролетарского движения.

1906—13 годы Горький провел в Италии. Лучшее в творчестве Горького 1910-х годов — автобиографические повести «Детство» и «В людях» (опубликованы в 1913—16 годах). В них с большой художе-

ственной силой запечатлен путь человека из низов старой трудовой России к высоте человеческой культуры, к борьбе за свободу.

В 1913 году Горький вернулся в Россию. Сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». В годы империалистической войны Горький занимает резко антивоенную позицию.

После Октябрьской революции Горький активно участвует в строительстве социалистической культуры. В годы гражданской войны Горький помогал в борьбе с голодом, заботился об охране художественно-исторических ценностей.

Осенью 1921 года из-за обострения туберкулезного процесса Горький, по настоянию Ленина, уезжает лечиться за границу.

В 1922 году Горький издает повесть «Мои университеты» — 3-ю часть художественной автобиографии. В очерке «В. И. Ленин» (1924—31) он с большой художественной силой воссоздает образ вождя. В 1928 и 1929 годах Горький приезжает в СССР, о своих поездках по стране написаны очерки «По Союзу Советов» (1929). В 1931 году возвратился на родину и развернул широкую литературно-общественную деятельность. Особенно значительны его выступления за мир, демократию и социализм против фашизма и войны. Он был организатором и председателем Первого всесоюзного съезда советских писателей (1934), энергично содействовал развитию литературы народов СССР.

1930-е годы — время нового расцвета драматургии Горького. Пьесы «Егор Булычов и другие» (1932), «Достигаев и другие» (1933), «Васса Железнова» (1935) утверждают неизбежную гибель капитализма и победу социалистической революции.

Крупным достижением социалистического реализма стало итоговое произведение Горького — монументальный роман-эпопея «Жизнь Клима Самгина» (1925—36). В романе отразились исторические события сорока предоктябрьских лет русской жизни, острая идейно-общественная борьба эпохи. Главная тема романа — разоблачение «самгинщины», буржуазного индивидуализма.

Великий художник слова Горький был и выдающимся литературным критиком, публицистом. Горький считал главным признаком социалистического реализма способность отражать действительность в революционной перспективе, смотреть на прошлое с высоты будущего. Главной задачей советских писателей он считал воспитание нового, социалистического человека.

Величие и мировое значение творчества Горького в том, что он выразил идеи и стремления русского революционного пролетариата, способствовал созданию новой советской культуры. Творчество Горького оказывает и по сей день большое влияние на советскую и мировую литературу.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

(Отрывок)

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы¹ этих людей, а с четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад,² и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того было две дороги: одна — назад, там были сильные и злые враги, другая — вперед, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями... Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем в сером сумраке и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда днем и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору.

1. Табор — здесь: поселение.

2. Смрад — вредный, отвратительный запах.

А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы,¹ и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота.

И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один.

Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелые. И вот он говорит им, своим товарищам:

«— Не своротить камня с пути думую. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..

«Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

«— Веди ты нас! — сказали они.

«Повел их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, и все меньше было сил! И вот стали роп-

1. Завет (высок.) — наставление, совет потомкам.

тать¹ на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен.

«Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

«— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

«— Вы сказали: «Веди!» — и я повел! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

«Но эти слова разъярили их еще более.

«— Ты умрешь! Ты умрешь! — ревели они.

«А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску.

«А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь ...

«— Что сделаю я для людей!? — сильнее грома крикнул Данко.

1. Ропать — высказывать недовольство.

«И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

«Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

«— Идем!» — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

«Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало!

«И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался позади, плотный и немой; а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струей из разорванной груди Данко.

«Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

«Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжег для людей свое сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на нее и думал: «Сколько еще сказок и воспоминаний осталось в ее памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

(1894)

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

I

«Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо,¹ и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бесильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице, и прошипел² он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

1. Горы зноем дышали в небо (образное выражение) — в горах было очень жарко.

2. Прошипел — сказал тихо, но с злобой.

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.¹

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...»²

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся,³ привстал немного и по ущелью повел очами...

Сквозь серый камень вода сочилась, было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут, и поживешь еще немного в твоей стихии».

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользко: когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

1. Бредни — здесь: странные, непонятные мысли в разговоре.

2. Все прахом будет (устаревшее) — все погибнет, умрет.

3. Встрепенулся — внезапно оживился, вздрогнул, встряхнул перьями.

А волны моря с печальным ревом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

II

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух¹ и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убили, а рассмеялся...

— Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной.² Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний³ и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо... Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом.⁴ Я знаю правду. И их призываю я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

-
1. Прынул в воздухе (устаревшее) — взметнулся в воздух.
 2. В пустыне знойной — здесь: в жарком небе.
 3. Безумство ... желаний — здесь: необдуманность желаний и стремлений.
 4. Живут обманом — здесь: живут, не зная правды.

Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их лвином реве гремела песня о гордой птице. дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых¹ поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью.² Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жадой свободы, света!

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ

Над седой равниной моря³ ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаж-

1. Безумство храбрых — здесь: великая, беззаветная храбрость.

2. Истек ты кровью — умер от потери крови.

3. Седая равнина моря (образное выражение) — море, покрытое белой (седой) пеной.